

Мирча Элиаде

«Аспекты мифа»

Гностицизм и индийская философия

Малый объем этой книги не позволяет обсуждать здесь проблему гностицизма во всей ее целостности. Нам еще нужно проследить развитие «мифологии Забвения и Воспоминания» в некоторых культурах, достигших высокого развития. Гностические тексты, которые мы цитировали, утверждают, что душа, с одной стороны, способна погружаться в материальное (в жизнь) и затем в сон, подобный смерти, но, с другой стороны, душа имеет происхождение внеземное. Погружение души в материю не является результатом совершенного ранее греха, как объясняет иногда переселение душ греческая спекулятивная философия. Гностики дают понять, что грех имеет отношение к чему-то другому^[1]. Считая себя существами духовными, внеземного происхождения, гностики не мыслят себя принадлежащими этому миру. Как замечает Пуеш, ключевые слова используемого гностиками языка — «другой», «чужой»^[2]. Основное откровение состоит в том, что «хотя он существует в этом мире, он (гностик) не от мира сего, он ему не принадлежит, он пришел откуда-то»^[3]. Гинза Правая обращается к гностик: «Ты не отсюда, твои корни не в этом мире». (XV, 20). В Гинзелевой говорится: «Ты пришел не отсюда, твои корни не в этом мире, твое происхождение ведется не от этого мира: твое истинное место есть область Жизни». Мы читаем в «книге Иоанна» (с. 67): «Я есть человек иного мира».

Как мы это уже видели, в индийской философии особенно в Самхья-йоге, существуют такие же представления. «Я» (*purusha*) есть «чужой», оно не имеет ничего общего с этим миром (*prakriti*). Как пишет Исвара Кришна (*Samkhya-Karika*, 19), «Я» (Разум) изолировано, безразлично, просто «бездейственный наблюдатель» драмы жизни и истории. И более того: если правда то, что цикл трансмиграции удлиняется незнанием и «грехом», то причина «погружения» «Я» в жизнь и происхождение отношений (впрочем, иллюзорных) между Я (*purusha*) и Материей (*prakriti*) суть проблемы, не

1 – См. Грант Р.М. Гностицизм и раннее христианство. Нью-Йорк, 1959, с. 188.

2 – Пуеш Г.Ш. Ежегодник Коллеж де Франс, 1956, с. 186–209,194.

3 – Там же, с. 198.

предполагающие разрешения или, точнее сказать, разрешения в условиях данного человеческого удела. В любом случае, также как считают гностики, в круговорот существований ввергает «Я» непервородный (т. е. человеческий) грех.

Что касается нашего исследования, важность гностического мифа, как и философского мышления в Индии, заключается в том, что они по-своему интерпретируют отношение человека к первоначальной драме, которая этого человека создала. Как и в архаических религиях, исследованных нами в предыдущих главах, в гностической философии важно познать (или скорее вспомнить) драму, которая имела место в мифические времена. Но, в отличие от человека архаического общества, который, восприняв мифические образы, берет на себя всю ответственность за последствия этих первоначальных событий, последователь гностической философии изучает миф, чтобы отмежеваться от результатов этих событий. Пробудившись от своего сна, подобного смерти, гностик (как и ученик Самхья-Йоги) понимает, что он не несет никакой ответственности за первоначальную катастрофу, о которой ему повествует миф, и что, следовательно, он не имеет никакого реального отношения к жизни, миру и истории.

Гностик, как и ученик Самхья-Йоги, был уже наказан за грех забвения своего истинного Я. Непрерывные страдания, из которых состоит человеческое существование, исчезают в момент пробуждения, которое есть в то же время *anamnesis*. Это пробуждение проявляется в полном безразличии к истории, особенно современной истории. Важен только миф, повествующий о первоначальных событиях. Достойны познания только события, происшедшие в легендарном прошлом, так как в ходе их познания человек начинает отдавать себе отчет в своей истинной природе и пробуждается. Чисто исторические события (например, Троянская война, походы Александра Македонского, убийство Юлия Цезаря) не имеют никакого значения, так как они не наполнены никаким сотериологическим содержанием.